

ГЛАВА IV. Революция и интернациональность.

В дальнейшем ходе этого труда я постараюсь развить намеченную мною выше аргументацию, но чтобы не отвлечься в сторону, я должен теперь вернуться к своему исследованию о революции, и здесь-то прежде всего приходится иметь дело с самым солидным возражением сторонников власти: социалистов и буржуазии; а именно, что для общества нецентрализованного, нерасполагающего постоянной армией, не имеющего во главе провиденциальных людей, которые бы думали и действовали за всех, для такого общества невозможно будет удержаться среди окружающих его народов, в случае, если таковые останутся при капиталистическом строе. При этом теоретики буржуазии советуют продолжать давать себя эксплуатировать в ожидании, что капиталисты станут менее алчными. Социалисты советуют нам избавиться от современных хозяев и вручить власть им, социалистам, и обещают сфабриковать для нас за свой страх и риск, весьма дешево стоящее благополучие, которое наши неуживчивые соседи не преминут уважать.

Нет ни малейшего сомнения в том, что буде революция локализуется в одной народности, то окружающие ее плутократические государства не замедлят объявить ей войну, быть может, даже не соблюдая формальностей объявления войны, какие приняты между бонтонными противниками, которые обмениваются комплиментами в то время, как другие сражаются за них, и иногда доводят любезность до того, что продают друг другу смертоносные орудия, сработанные теми, кто должен испытать на себе же их действие.

Революция 89-го года, бывшая делом эмансипации одного только сословия, доказала, что дворянство, духовенство и монархия, господствовавшие во всей остальной Европе, обнаружили свою солидарность с дворянством, духовенством и монархией Франции, и мы знаем, какую сильную коалицию они создали против нарождающейся республики, и что не их была вина, если последняя не была уничтожена в самом начале своей жизни.

Плутократия столь же хищная, если не больше, поступила бы одинаково, если бы почувствовала, что ей грозит опасность. Не может быть сомнения, что смежные буржуазные государства не потерпят у себя под боком центра новых идей, которыми могли бы заразиться и их подданные. Мы знаем, на что способна буржуазия, когда грозит опасность ее материальным интересам. Она не замедлит огнем и мечем покарать дерзновенный народъ, осмелившийся не хотеть дольше кормить на свой счет своих эксплуататоров.

Зато революция 89-го года показала нам также, на что способен народ, защищающий свою свободу; люди становятся непобедимыми, когда они сражаются за свою независимость и имеют противниками лишь безидейных автоматов, а сознание, что борьба идет за свой семейный очаг, за свою свободу, стоит больше, чем многочисленные баталлионы солдат.

Сторонники власти могут возразить нам, что в республике 89-го года мы видим сильно централизованную нацию, сумевшую отстоять свое единство даже от внутренних врагов, и что именно потому то они и требуют централистической организации, которая дала бы возможность защищаться против попыток переворота, как исходящих из внутри страны, так и угрожающих извне.

Прежде чем согласиться с этим, следовало бы внимательно изучить философию истории той эпохи, и затем задаться вопросом: не подчинялись ли иногда, против воли, давлению безымянной толпы некоторые тогдашние люди, кажущиеся нам теперь самыми яркими сторонниками централистической власти? Не началось ли падение республики, окончившееся гибелью ее от руки грубого насильника, в тот именно момент, когда личная инициатива оказалась совершенно подавленной, и толпа окончательно обессилена?

В сущности тот или другой ответ на эти вопросы несколько не повлияет на нашу аргументацию. Как бы велика ни была энергия людей, стоявших тогда у власти, как бы велика ни была их умелость в ведении дел, они бы мало значили, если бы эти люди не имели себе поддержки в тех, кто остался безымянным; кто неоднократно умел принудить их принимать те или другие меры к общественной безопасности, и вместе с тем умел проводить эти меры в исполнение, собственной инициативой, не ожидая согласия главарей.

Государственные тюрьмы были разрушены; произвол, цепи связывавшие индивидуальность во всех её проявлениях — уничтожены; имения дворянства и клира конфискованы, ибо должны были быть возвращены нации; всего этого, в соединении с убеждением, что наконец засветит для всех самая неограниченная свобода, было более, чем достаточно, чтобы воспламенить и сделать непобедимыми людей, которые еще накануне даже своего тела не могли считать полной собственностью.

А между тем всего этого не было бы достаточно, если бы этим людям не пришлось иметь дело с армиями наемников, сражавшихся без их энтузиазма, и способных противопоставить пламенному натиску противников лишь слепое повиновение военной дисциплине.

Но и этого, вероятно, не было бы достаточно, если бы люди, боровшиеся за свободу, не нашли себе симпатий у наций, правительства которых вели с ними войну; симпатии эти были на их стороне и парализовали враждебные им силы. Врагами новых идей были привилегированные всех стран; за то симпатизировали им все обездоленные, ожидавшие освобождения и требовавшие его от новых людей, которые явились как бы для их спасения. В этом-то и заключается секрет успеха великой революции, и все наши надежды и усилия должны быть направлены в эту сторону.

Революция не может быть делом одной нации, и не должна локализоваться в одном месте. Чтобы победить, она должна быть интернациональной. Рабочие одной страны могут освободиться от своих эксплуататоров только при том условии, что их братья из смежных стран произведут у себя такую же оздоровительную операцию; они должны наконец забыть бессмысленную рознь, в которой их воспитали, и вычеркнуть фиктивные, существующие фактически лишь на бумаге, демаркационные черты, которыми постарались изолировать их друг от друга.

Революция должна быть интернациональной; пусть это помнят те, кто мечтает о переформировании собственности. Каково ни будет будущее общество: мирное или воинствующее; будет ли оно организовано в духе власти, или в духе свободы, оно немедленно подвергнется нападению со стороны окружающих плутократий, если только новый порядок вещей действительно нарушит интересы буржуазии.

В настоящее время вошло в моду называть себя интернационалистом. Так называют себя социалисты; экономисты тоже, а также и многие буржуа... «Да здравствует интернационал, сударь!».

“ «Все народы нам
Братья, братья, братья».

говорится в одной песенке. Да, народы нам братья, но если поскребать всех этих интернационалистов, в том числе и многих социалистов, то скоро в каждом найдешь шовиниста, интернационализм которого весьма охотно примирится с каким-нибудь завоеванием. О, конечно, что бы сделать покоренных счастливыми! Они ведь нам братья!

Такой интернационализм — только пародия. Другие народы стóят столько, сколько мы стóим, и мы также не способны дать им счастье, как они не способны дать его нам, ибо, вообще, ни один человек не может сделать счастливым другого, помимо его воли. Мы можем подать друг другу руки, чтобы сообща освободиться от тех, кто нам делает зло; мы должны себя считать равными и обязанными, когда представится случай оказать взаимную услугу. В этом и состоит интернационализм, и не нужно доверять тому показному интернационализму, который правым глазом посылает любовные взгляды нашим братьям по ту сторону границы, а левым хитро подмигивает «нашей бравой национальной армии».

Французы, немцы, итальянцы, англичане или русские, — все мы безразлично страдаем от эксплуатации, на один и тот же лад. На нас кишит паразитное меньшинство и ведет нас, куда хочет. Как осел в басне Лафонтена, мы должны уразуметь, что «наш враг это наш хозяин», и тогда не будет больше национальной розни. Во Франции, как в Германии, в Англии, или Италии, эксплуататору нет дела до национальности того, кого он стрижет, и если он отдает кому-либо предпочтение, то тому, кто покорнее других позволяет себя стричь. Таким образом, человечество делится только на два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых. Это должны помнить обиженные всех стран.

Впрочем, и здесь ход событий является лучшим воспитателем отдельных индивидуумов, ибо приучает их приспособляться к обстоятельствам, из него вытекающим, и время в конце концов заставит отдельных личностей считать своим единственным отечеством вселенную.

Если интернационализм еще не привился людям в интеллектуальном отношении, то фактически он господствует повсюду; в наше время все — международно, и нет такой нации, которая могла бы изолироваться и замкнуться в себе самой. Как ни велика энергия наших «покровителей», они не в состоянии довести свое «покровительство» до

желательного для них предела, ибо вынуждены считаться с взаимным обменом некоторыми международными услугами.

Телеграф, почты, железные дороги — международны; торговые сношения до того связали друг с другом разные народы, что некоторые торговые фирмы как бы стоят вне всякой национальности; то же можно сказать о некоторых банкирских домах и металлургических заводах.

Производство оружия, долженствовавшее бы, с точки зрения патриотизма, быть отраслью промышленности исключительно националистической, — космополитичнее всех других: французские фирмы снабжают пушками и снарядами такие нации, которые в любой момент могут быть призваны употребить их против Франции; также делают английские, германские и итальянские фирмы. Некоторые из наших депутатов стоят во главе таких фирм, и это кажется до того естественным, что не вызывает удивления ни в ком.

Международные конгрессы организуются ежедневно, по всем отраслям человеческой деятельности, так как ни одна из них не в состоянии функционировать изолированно, у себя дома; этим великим движением захватываются и личные сношения между индивидуумами и не могут не выходить за пределы границ отдельных народностей.

Сам прогресс — интернационален и может совершаться одновременно по сю и по ту сторону границы любого данного государства. Идея, блеснув в одном пункте земли, в тот же момент вызывает отблеск в другом пункте, за тысячи верст, и может в несколько часов осветить собою весь земной шар. Высказанная кем-либо истина всегда тотчас же находит нескольких человек, претендующих на её открытие, и доставляющих даже доказательства своих прав на нее, что, говоря между прочим, доказывает, что всякое открытие — дело не одного человека, а целого людского поколения. Таким образом и революция, если она будет истинно социальной, вспыхнув в одном месте, найдет себе отзвук в сердцах всех наций, и это обеспечит ее успех.

Если бы нам не была столь хорошо знакома самоуверенность сторонников власти, мы удивлялись бы их претензии обеспечить успех революции путем установления «твердой власти».

Пусть бы «твердая власть» попробовала затронуть буржуазные привилегии, и немедленно, как бы ни велики были ее средства и силы, против неё поднимется могущественная коалиция и окружит ее лесом штыков; коалиция, во сто-крат более свирепая, чем монархическая коалиция 89-го года.

Только наивные мечтатели могут верить, что достаточно съорганизоваться точно так, как съорганизован противник, чтобы быть в силах победить его. В этом состояла ошибка коммуны, верившей, что она может завести себе солдат таких же, какими располагало Версальское Правительство, и давать правильные сражения, и это ее погубило.

Если рабочие вздумают играть в эту игру, они в этом раскаются очень скоро. Новым идеям нужны новые пути; различным элементам нужна тактика, приспособленная к их способу мышления. Предоставим блестящие каски и стратегию тем, кто хочет играть роли

Бонапартов и Веллингтонов, но воздержимся благоразумно следовать за ними. Какую бы революционеры на этих ролях ни развили энергию и деятельность, как бы великолепны ни были организованность и дисциплина их отрядов, они потерпят поражение, ибо будут сломлены численностью врагов, которых им создают ненависть всем тем, чьим аппетитам будет угрожать опасность.

Сторонники власти возлагают надежды на то, что сумеют заставить признать себя законной властью правительствами других стран. Будучи в сущности политиками, и только политиками, они рассчитывают быть признанными за равных, путем дипломатических сношений с другими правительствами.

Новое революционное правительство только тогда будет признано, когда откажется от всякой попытки социальных реформ. Чтобы быть хорошо принятым «любезными кузенами» по власти, оно должно будет сдерживать нетерпеливые порывы народных масс, выведших его на высоту власти, при помощи ими же данных ему сил и, в *случае попыток восстания у новых союзников*, не допускать эти народные силы идти на помощь восставшим.

Следовательно, только путем отречения от своих принципов народное правительство будет в состоянии приобрести авторитет у окружающих держав.

Развитие международных сношений способствует повсеместному развитию одинаковых потребностей и распространению одинаковых тенденций. Причины страданий рабочих везде одинаковы, и везде одинаковы их идеалы. Этого достаточно, чтобы революция, вспыхнув в одном месте вызвала одинаковые вспышки в ста других разных местах.

Если рабочие приучатся предварительно солидаризировать свои интересы и группировать свои силы наперекор своим хозяевам, то они сумеют поддерживать друг друга гораздо существеннее, чем это сумело бы сделать любое правительство.

Восстание или попытки к восстанию заставят каждое буржуазное правительство сосредоточить свои силы у себя, и отвлекут его внимание от того, что делается у соседей. Вынужденное защищаться у себя дома от прежних своих невольников, ныне восставших против него, оно будет лишено возможности идти на помощь соседу, гибнувшему рядом с ним от тех же причин. Диверсия — умная тактика, которой не пренебрегали лучшие стратеги, и чтобы произвести ее не требуется иметь готовую армию.

Рабочие одной какой-либо местности победят и освободятся от своих господ только при том условии, что восстанут рабочие окрестных местностей. Это верно по отношению к рабочим одной и той же национальности, в видах разделения сил господ; верно и по отношению к рабочим разных национальностей, ради воспрепятствования господам помогать друг другу. На свете одно связано с другим. Международная солидарность рабочего класса не должна оставаться пустой формулой, и осуществление ее не должно быть отстрочиваемо до отдаленного будущего; она является условием *sine qua non* успеха революции .

Такова логика вещей. Братское объединение рабочих всех стран должно выйти из области мечтаний о будущем; оно средство борьбы с нашими хозяевами, и даст нам победу, если сумеем победить.

Буржуазия не без страха следит за стремлением рабочих объединиться в международный союз, ибо знает, что в день, когда народы перестанут быть врагами, ей нечем будет оправдывать постоянное держание миллионов людей готовыми к её защите, и те громадные вооружения, за которыми она считает себя неприступной. В противовес к вышеуказанному стремлению рабочих она возвела в культ догмат об отечестве, и её восхвалители спешат бить в набат всякий раз, лишь раздастся чей-либо независимый голос, чтобы заклеить зверства, прикрываемые знаменем патриотизма, или провозгласить, что единственное отечество человека — вселенная.

«Агенты заграницы», «низкие негодяи», вот те эпитеты, какими они награждают этих независимых людей. Впрочем, брань их понятна, ибо эти господа судят о других по себе, и думают, что писать можно только то, за что получена плата. Они привыкли торговать пером и словом, и поэтому не верят, что есть люди, пишущие и говорящие только то, что они думают.

«Вы не хотите унижать чужое отечество, значит, вы негодяи; не хотите кричать вместе с нами, что ваша родина царица между нациями, что все другие народы — жалкий сброд, значит вы агент заграницы!» Такова логика этих господ, и исходя из неё они убеждают слабоумных людей, что тот, кто не хочет закрывать глаза на все вопиющие безобразия, прикрываемые знаменем патриотизма становится врагом своего отечества.

Вот почему, когда интернационалисты называют антипатриотами всю эту компанию глашатаев милитаризма и шовинизма, направленных к взаимному избиению, те клеветают, называя антипатриотами и врагами Франции французов, врагами Германии немцев, Италии итальянцев и т. д., хотя антипатриотизм их состоит лишь в том, что они любят все человечество и ненавидят войну.

Антипатриотами не могут быть названы люди, стремящиеся распространить любовь с отдельного индивидуума на все человечество. Когда они восстают против власти и капитала, как таковых, они являются противниками их не только у себя дома, но и во всех других странах. Они не требуют перемещения власти от одной группы к другой, но полного уничтожения её.

За то, что мы противники власти, нас обвиняют в стремлении к хаосу; за то, что мы противники законных форм семьи и того принуждения и запрещений, которые закон противопоставляет естественной эволюции её, нас обвиняют в том, что мы хотим уничтожить семью; за то, что мы противники узкого патриотизма, требующего, чтобы на другие народы смотрели как на врагов, что мы сторонники всемирного братства, нас обвиняют в том, что мы проповедуем унижение нашей родины и подчинения её соседям!

Не лучше ли объяснить. Известно, что у всякого человека есть свои привязанности. Он всегда с любовью вспоминает места, где ему хорошо жилось, где развились его симпатии, его влечет с особенным радостным чувством в страну, где он уверен, что найдет друзей. Когда мы говорим, что любим такую то страну, то это значит, что любим воспоминания, связанные с нею, пережитые в ней ощущения, и друзей, там оставленных, и совокупность всего этого и составляет предмет нашей привязанности, а не почва, страна сама по себе.

Когда людям кажется, что они должны больше всего любить местность, где они родились, потому только, что с нею связаны воспоминания о рождении, то никто не подумает возражать против этого, ибо не всегда для нас ясны источники того или другого нашего чувства; но из того, что мы больше любим такую-то данную местность, еще не следует, что жители других местностей — наши враги; если бы патриотизм был исключительно привязан к почве, к месту рождения, он не распространялся бы на целую страну например, Францию, Германию, Россию и т. д. Тогда стала бы понятнее любовь к одной провинции; еще более понятней любовь к месту жительства или рождения. Почему в таком случае не признать наличность причин вражды между обитателями одной улицы? И если человек способен любить даже тех, кто связан с ним случайно, то почему его любовь должна сосредотачиваться на какой-либо данной группе, а не на любой иной? Почему не распространить ее на все человечество?

Версия #3

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 15:17:14
██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 15:51:43